

**КЛИФФОРД
САЙМАК**

ЗОЛОТЫЕ
ЖУКИ

Клиффорд Дональд Саймак

Золотые жуки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50217451

Золотые жуки:

ISBN 978-5-900782-27-0

Аннотация

В предлагаемый читателю сборник входят три фантастические повести, позволяющие познакомиться с частицей многогранного таланта выдающегося американского фантаста. Как ни странно, главными героями писателя практически всегда выступают совершенно средние и даже намеренно усредненные соотечественники писателя, типичные «звёзд-с-неба-не-хватящие» американцы из глубинки, волею судьбы и таланта создателя поставленные в совершенно невероятные обстоятельства, и от этого рассказы и повести Клиффорда Саймака читать ещё интереснее.

Содержание

Озабоченный[1]	5
Золотые жуки[2]	33
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Клиффорд Саймак

Золотые жуки

© А.Новиков. Перевод с английского. 2020

Озабоченный¹

Чарли Портер – помощник редактора в «Дейли таймс», а помред есть персона своеобразная. Это охотник на запятые, палач лишних слов и могучий барьер здравого смысла, стоящий на пути потока новостей. А заодно это некий гибрид карманной энциклопедии и ходячего справочника.

Можно иногда случайно встретить репортера или редактора, или увидеть их фото, или хотя бы услышать, как о них говорят. Но вот о помощнике редактора вы не услышите никогда.

Помред сидит со своими коллегами за подковообразным столом. Если это ветеран вроде Чарли, то над глазами у него зеленый козырек, а рукава закатаны выше локтей.

Внутри подковы редакторского стола сидит человек, руководящий всеми помредами. Поскольку внутренняя часть такого стола называется щелью, то этот человек на редакционном жаргоне называется «щелевой». К нему и поступает ежедневный поток новостей. Он раздает листки сидящим вокруг стола помредам, а те редактируют заметки и пишут заголовки.

Поскольку новостей всегда столько, что имеющееся на страницах газеты место можно легко заполнить раз двадцать,

---

¹ Clifford D. Simak. Worrywart. Galaxy SF, 1953© Андрей Новиков, перевод, 2000-2020

помред обязан сократить все заметки и проверить, укладываются ли они в установленный лимит слов. Из-за этого у помреда происходят постоянные стычки с репортерами, чьи цветасто написанные статьи вдруг оказываются обрубленными и искалеченными, зато, несомненно, более читаемыми.

Когда после полудня поток новостей ослабевает, помреды нарушают обычное молчание и начинают разговаривать между собой. Они обсуждают новости и спорят о том, что можно предпринять в той или иной ситуации. Если их послушать, не зная, кто они такие, то вскоре вы будете готовы поклясться, что побывали на заседании некой комиссии всемирного значения, где решались важнейшие проблемы.

Потому что помред всегда озабочен. Он волнуется, потому что каждый день имеет дело с только что случившимися и кровотокащими инцидентами, от которых зависит судьба человечества, и нет, вероятно, иной профессии, где столь уверенно и четко чувствуется та тончайшая грань, на которой происходит балансирование между выживанием и катастрофой.

* * *

Чарли Портер волновался больше своих коллег. И тревожили его события, вроде бы и вовсе не заслуживающие тревоги.

Имелась, к примеру, цепочка «невозможных» событий,

случившихся последовательно. После двух-трех подобных случаев коллеги Чарли за редакторским столом обратили на них внимание и обсудили – между собой, естественно, ибо ни один истинный помред не станет разговаривать ни с кем, кроме другого помреда. Но их внимания хватило лишь на несколько небрежно брошенных фраз.

А вот Чарли Портера тревога не оставила – тайная, конечно, ибо он видел, что никто из коллег не счел эти события достойными серьезного беспокойства. Немало переволновавшись, он начал замечать в этих происшествиях определенное сходство, и именно тогда вышел на помост и начал борьбу с самим собой.

Сначала в Юте разбился пассажирский самолет. Из-за плохой погоды поиски пришлось отложить, но, в конце концов, спасатели обнаружили обломки, разбросанные по склону высокой горы. Руководство авиакомпании объявило, что нет никакой надежды на то, что кто-то мог уцелеть. Но когда спасатели стали подниматься к обломками, то на полпути встретили идущих навстречу пассажиров разбившегося лайнера. Выжили все до единого.

Затем главный приз на скачках взял жеребец Полночь. При ставках шестьдесят четыре против одного.

Потом произошел случай с неизлечимо больной девочкой, у которой не было ни единого шанса выздороветь. Родители даже решили отметить ее последний день рождения на несколько недель раньше. Ее фото опубликовали все газеты

страны, над рассказами о ее судьбе хотелось рыдать, и тысячи людей присылали ей открытки и подарки. И вдруг она внезапно выздоровела. Не из-за какого-то нового волшебного лекарства или новой медицинской техники. Просто-напросто легла спать, а утром проснулась уже здоровой.

Несколько дней спустя по стране разнеслась история о Дружке, старом псе из Кентукки, которого завалило в пещере. Мужчины со всей округи откапывали его несколько дней, подбодряя пса криками. Пес сперва выл в ответ, но потом вой прекратился, а копать дальше стало очень тяжело. Тогда мужчины завалили камнями выкопанную яму и соорудили над ней могильный холм. Они произнесли набожные, гневные и бесполезные слова, а потом разошлись по своим хижинам и полям.

На следующий день Дружок вернулся домой. Выглядел он ходячим мешком с костями, но сил махать хвостом у него еще хватало. Миску молока он вылакал с таким азартом, что просто посмотреть на это уже было приятно. И все сошлись на том, что старый пес все-таки отыскал другой выход из пещеры.

Но заковыка таилась в том, что старый пес, просидевший несколько дней в пещере и ослабевший без еды и воды, просто не смог бы выбраться из нее сам.

И умирающие девочки не выздоравливают за ночь просто так, ни с того, ни с сего.

И жеребцы, против которых ставят шестьдесят четыре к

одному, не выигрывают дерби.

И самолет не может разбиться о горную вершину в Юте так, чтобы никто не пострадал.

Разумеется, чудо возможно. Даже два чуда. Но не четыре подряд в течение двух недель.

У Чарли ушло немало времени, чтобы связать все эти случаи ниточкой схождения. Когда ему это удалось, ниточка получилась очень тонкой. Но все же достаточно прочной, чтобы оправдать новые тревоги.

А схождение состояло вот в чем: все эти истории были развешивающимися.

Целых два дня мир ждал подтверждения факта крушения самолета. То, что Полночь будет участвовать в забеге, и что у жеребца нет ни единого шанса, тоже было известно за несколько дней. История несчастной девочки приковывала всеобщий интерес неделями. А старого пса откапывали не меньше недели, и лишь потом люди сдались и разошлись по домам.

В каждой из этих историй результат не был определен некоторое время после того, как стало известно о самой ситуации. И, пока она так или иначе не разрешалась, существовало бесконечное количество вероятностей финала. Некоторые финалы имели большую вероятность, чем другие, но у каждой имелся хотя бы ничтожный шанс на осуществление. Если подбросить монетку, то от момента ее взлета до момента падения орлом или решкой всегда существует ничтожно

малая вероятность того, что монета упадет на ребро и останется стоять. И, пока факт выпадения орла или решки не окажется установлен, вероятность падения на ребро продолжает существовать.

И это именно то, что случилось, сказал себе Чарли.

Монету подбросили четыре раза, и четыре раза подряд она упала на ребро.

Разумеется, есть одна мелкая несостыковочка – падение самолета. Оно в эту схему не укладывается.

Каждое событие стало броском монеты, и, пока она вращалась в воздухе, а публика затаила дыхание, девочка каким-то образом выздоровела, а у жеребца хотя бы на краткое время проявились физические качества и темперамент, необходимые для победы.

Но вот самолет разбился, и думать о нем могли уже только *после* свершившегося факта. К тому времени, когда известие о катастрофе стало достоянием публики, монета уже упала, а то, что произошло на горной вершине, уже произошло, и все надежды и молитвы о спасении пассажиров были, по сути, бесполезными из-за огромной вероятности того, что все они погибли.

Пожалуйста, пусть пес спасется. Сегодня.

Пусть девочка поправится. Скоро.

Пусть моя безнадежная ставка на бегах выиграет. На следующей неделе.

Пусть пассажиры останутся живы. *Но вчера.*

Авария самолета почему-то беспокоила Чарли больше всего.

* * *

А потом, к всеобщему удивлению и безо всякой логики, ситуация в Иране прояснилась – и как раз тогда, когда уже создавалось впечатление, что она завершится новой Кореей.

Несколько дней спустя Британия гордо объявила, что ей удалось укротить финансовую бурю, что с фунтом стерлингов все в порядке, и что новые займы Лондону уже не нужны.

Чарли понадобилось некоторое время, чтобы связать эти два факта с цепочкой самолет-девочка-скачки-собака. Но он понял, что и они укладываются в этот ряд, а потом вспомнил нечто такое, что могло... ну, не совсем в него вписаться, а быть как-то связанным с этой поразительной цепочкой невероятностей.

После работы он спустился в офис «Ассошиэйтед пресс» и попросил сидевшего там парнишку принести ему папки из архива, набитые сколотыми скрепками копиями телеграфных сообщений – белые листки для линии А, голубые для линии Б, желтые для спортивных новостей, и розовые для биржевых. Он знал: то, что он ищет, не могло прийти по спортивной или биржевой линии, поэтому вернул эти папки и стал просматривать сообщения с линий А и Б, листок за листком.

Он не помнил точной даты, когда эта новость пришла, но знал, что после Дня памяти, поэтому начал со следующей даты и двинулся вперед.

Чарли ясно помнил тот инцидент. Дженсен, щелевой, взял этот листок и прочитал. Потом рассмеялся и наколол его на штырь.

– Что там такого смешного, Дженс? – спросил один из помредов.

Дженсен снял листок со штыря и перебросил спросившему. Листок пропутешествовал вдоль всего стола, где каждый его прочитал, а потом вернулся на штырь.

На этом все и кончилось. Потому что история оказалась настолько нелепой, что ни один уважающий себя газетчик не удостоил бы ее повторного взгляда, ибо она имела все признаки чепухи.

В первый вечер Чарли не нашел то, что искал, хотя работал до позднего вечера. Поэтому он вернулся следующим вечером, и отыскал тот листок.

Он пришел из курортного городка где-то в Висконсине, и содержал рассказ об инвалиде по имени Купер Джексон, прикованному к постели то ли с двух, то ли с трех лет. В заметке сообщалось, что, по утверждению отца Купера, парень способен предсказывать события, и что он может вечером о чем-то подумать или что-то вообразить, а на следующий день именно это и случается. Например, что Линк Абрамс грохнется с машиной в придорожную канаву, сам окажется

жив-здоров, а машина вдребезги. Или что преподобный Эймс Такер получит письмо от брата, от которого он уже двадцать лет не получал ни строчки.

На следующий день Чарли подошел к Дженсену.

– У меня набралось несколько дней отпуска с того времени, когда я прошлой осенью работал по шесть дней в неделю, – сказал он. – И еще у меня осталась неделя от прошлогоднего отпуска, а у нас была запарка, и ты не смог меня отпустить...

– Конечно, Чарли, – сказал Дженсен. – Мы сейчас в хорошей форме.

* * *

Два дня спустя Чарли сошел с поезда в курортном городке в Висконсине. Со станции он направился в один из нескольких лагерей для отдыхающих на берегу озера, расположенного на окраине городка, где за неслыханную цену снял на несколько дней жалкую хижину. И лишь после этого осмелился задуматься – *по-настоящему* задуматься о том, зачем он сюда приехал.

Вечером он пошел в город и потолкался час-другой в универсальном магазине и бильярдной. Вернулся он с информацией, ради которой ходил, и еще с кое-какой информацией, узнать которую он был еще не готов.

Первая информация, которую он как раз и хотел прове-

ритель, подтвердила, что ему нужно встретиться с доктором Эриком Эймсом. Как выяснилось, док Эймс оказался не только единственным доктором и мэром городка, но еще и признанным гражданским лидером, мудрецом и отцом-исповедником всей общины.

Второй же информацией, вот уже два месяца служившей в городке пищей для разговоров, оказалось то, что Купер Джексон, пролежав несколько лет в постели беспомощным инвалидом, теперь встал на ноги. Разумеется, ходит он пока с тростью, но быстро поправляется и каждый день прогуливается у озера.

Ему не сказали, во сколько Купер гуляет, поэтому на следующее утро Чарли встал пораньше и принялся расхаживать по берегу озера, внимательно приглядываясь. Он разговаривал с туристами, живущими в соседних домиках, и с рыбаками, расположившимися на берегу. И еще немало времени он провел, наблюдая за птичкой с желто-черными крыльями, свившей гнездо в камышах на заболоченном пятачке.

Наконец вскоре после полудня появился и Купер Джексон. Прихрамывая и опираясь на трость, он погулял некоторое время на берегу, потом присел отдохнуть на сухой ствол, выброшенный из озера после грозы.

Чарли подошел к парню.

– Не возражаете? – спросил он, присаживаясь рядом.

– Ничуть, – ответил Купер Джексон. – Рад буду поболтать.

Они разговорились. Чарли рассказал, что работает в газе-

те, а сюда приехал в короткий отпуск, и очень рад тому, что избавился от новостей, приходящих по телетайпам, и как он завидует людям, которые могут жить среди подобной красоты круглый год.

Когда Купер услышал, что Чарли работает в газете, то сразу заинтересовался и забросал его всевозможными вопросами – из тех, которые всегда задают газетчику, если удастся зажать его в углу.

Что он думает о ситуации, и что можно предпринять, есть ли шанс предотвратить войну, и что нам следует сделать, чтобы предотвратить войну... и так далее, пока несчастный газетчик не готов завопить.

Но было и одно исключение. У Чарли создалось впечатление, что Купер задает более острые вопросы, чем задавал бы обычный человек, и подкреплены они более подробной информацией. И что Купер задает их более настойчиво и взволнованно, в то время как обычный человек спрашивает несколько отстраненно и академично.

Чарли вполне честно ответил, что не знает, как можно предотвратить войну, хотя нынешняя, более спокойная ситуация в Иране и конец британского финансового кризиса могут весьма заметно повлиять на стабильность в мире.

– Знаете, я тоже так думал, – сказал Купер Джексон. – То есть, когда я прочитал новости, то сразу подумал: хорошо бы, чтобы это случилось.

Тут, пожалуй, следует кое-что пояснить.

Будь Чарли Портер журналистом, а не помощником редактора, он мог упомянуть и аварию самолета, и выздоровевшую девочку, и историю о том, как собаке удалось выбраться из пещеры, и что он знает человека, который заработал кучу денег, поставив на жеребца по кличке Полночь.

Но Чарли ничего этого не сказал.

Будь Чарли Портер журналистом, он мог бы сказать Куперу Джексону:

– Слушай, парень, я приехал к тебе. И я знаю, что ты проделываешь. Я обо всем догадался. Может, объяснишь мне пару мелочей, чтобы я все написал правильно?

Но Чарли этого не говорил. А сказал он, что слышал вчера в городе о чудесном исцелении некоего Купера, а ведь он и есть Купер Джексон, не так ли?

Да, ответил Купер, я и есть Купер Джексон, и мое выздоровление, пожалуй, можно назвать чудесным. Но он понятия не имеет, как это произошло, и док Эймс тоже.

Поговорив час-другой, они расстались. Чарли ничего не сказал насчет новой встречи. Но на следующий день Купер, прихрамывая, пришел на берег и направился к бревну, а Чарли его уже ждал.

В тот день Купер рассказал о себе. Он был инвалидом,

сколько себя помнит, хотя, по словам матери, несчастье случилось, когда ему было три года.

Он любил слушать сказки и не сомневался, что именно сказки, которые ему рассказывали и читали родители, братья и сестры, поддерживали у него интерес к жизни в первые, самые трудные годы. Потому что он заставлял эти сказки работать на него.

Он рассказал, как заставлял все персонажи – кролика Питера, Пряничного Человечка и Мальчика-с-пальчик – работать сверхурочно. Купер лежал в кровати и мысленно повторял все услышанные сказки, снова и снова.

– Но вскоре все эти сказки мне здорово наскучили. И я стал их улучшать. Я изобретал новые. Я смешивал персонажи. Сам не знаю, почему, но кролик Питер и Пряничный Человечек всегда были моими героями. Я отправлял их в невероятнейшие путешествия, где они встречались с героями других сказок, и вместе преодолевали трудности, которые преодолеть попросту невозможно.

– Но мне, – добавил он, – они никогда не казались невозможными.

Наконец он дожил до возраста, когда дети идут в школу. Мать Купера встревожилась – ведь надо что-то делать с образованием сына. Но док Эймс, который ни капли не сомневался, что Купер не проживет достаточно долго, чтобы образование принесло ему хоть какую-то пользу, посоветовал научить мальчика лишь тому, что ему будет интересно учить.

Как выяснилось, больше всего Купера заинтересовало чтение, поэтому его научили читать. Теперь ему не было нужды просить кого-то почитать, он научился читать сам. Он прочел «Тома Сойера» и «Гека Финна», книги Льюиса Кэрролла и множество других.

Теперь у него прибавилось любимых персонажей, и кролику Питеру пришлось очень нелегко, когда он состыковывал свой мир с миром Шалтая-Болтая и Морского Деликатеса. Но со временем все утряслось, а вымышленные приключения становились все более невероятными.

– Просто чудо, что я не помер от смеха, – сказал Купер. – Но для меня тут не было ничего смешного. Все было на полном серьезе.

– А что ты читаешь сейчас, Купер?

– Газеты, журналы новостей и тому подобное.

– Да я не об этом, – пояснил Чарли. – Что ты читаешь для отдыха? Что сменило кролика Питера?

Купер немного помялся, но все же признался:

– Я читаю научную фантастику. Я на нее запал, когда кто-то принес мне журнал, лет шесть или семь назад... нет, пожалуй, все восемь.

– Я сам ее читаю, – сказал Чарли, чтобы парень не смущался.

И они просидели до вечера, и говорили о фантастике.

Той ночью Чарли Портер лежал на кровати в домике на берегу озера, уставившись в темноту, и пытался понять, каково было Куперу Джексону вот так же лежать годами, общаясь лишь с героями детских книжек, потом книжек для мальчиков, а потом и фантастических произведений.

Купер говорил, что никогда не испытывал особенной боли, но иногда ночи были длинными, ему не спалось, и именно тогда он начинал фантазировать, чтобы хоть чем-то занять мысли.

Поначалу это было лишь развлечением для ума. Он говорил себе, что сейчас происходит то-то и то-то, а из-за этого события развиваются так-то, и это приводит к тому-то и тому-то. Но через некоторое время он стал видеть набор персонажей, действующих на воображаемой сцене – неких смутно различимых актеров, произносящих свою роль. Сперва они были туманными, потом серыми, подобно неуловимым шустрыми призракам, еще позднее обрели четкость черно-белого изображения. Примерно к тому времени, когда он добрался до «Тома Сойера» и «Робинзона Крузо», персонажи и мир, в котором они действовали, уже начали обретать цвет и перспективу.

А от «Гека Финна», «Робинзона Крузо» и «Швейцарских робинзонов» он перешел к научной фантастике.

«Боже милостивый, – подумал Чарли. – Он добрался до фантастики...»

Возьмите инвалида, никогда не встававшего с кровати, никогда не получавшего формального образования, мало знающего о людских представлениях о мире и еще меньше ими озабоченного, снабдите его богатейшим воображением и накормите досыта научной фантастикой – и что вы в результате получите?

Чарли лежал в темноте и пытался поставить себя на место Купера Джексона. Он старался вообразить то, что мог вообразить Купер, в какие далекие путешествия тот мог мысленно отправиться.

А затем позвольте тому же инвалиду внезапно осознать окружающий его мир, как осознал его Купер, ибо теперь читал газеты и журналы. И позвольте ему увидеть, в каком состоянии этот мир находится.

Что может случиться после этого?

«Ты сошел с ума», – сказал себе Чарли. Но он еще долго лежал, глядя в темноту, прежде чем уснул.

* * *

Похоже, он пришелся Куперу по душе, и они ежедневно проводили какое-то время вместе. Они разговаривали о фантастике, о свежих новостях и о том, что следует сделать, чтобы обеспечить мир. Чарли честно сказал, что ему это неиз-

вестно, и что множество людей гораздо умнее его постоянно и целыми днями об этом думают, но так пока и не нашли ответа.

– Кто-то должен с этим что-то сделать, – заявил Купер. И произнес это так, что не оставалось никаких сомнений – сам он готов действовать в любую минуту.

И тогда Чарли позвонил старому доктору Эймсу и договорился о встрече.

– Я о вас слышал, – сказал доктор. – Купер как раз вчера мне о вас рассказал.

– Я немного общаюсь с Купером, и хотел его кое о чем спросить. Но не спросил.

– Знаю. Вы хотели спросить его о том, что было напечатано в газетах месяца два назад.

– Правильно, – согласился Чарли. – И еще я хотел спросить, как ему удалось встать и пойти после стольких лет в кровати.

– Вы ищете материал для статьи?

– Нет.

– Но вы же из газеты.

– Я приехал ради статьи, – признался Чарли. – Но она меня больше не интересует. Сейчас я... немного напуган.

– Я тоже.

– Если то, о чем я догадался – правда, то это слишком много для статьи.

– Надеюсь, мы оба ошибаемся.

– Купер одержим одним стремлением – подарить планете мир, – продолжил Чарли. – Он меня десятки раз про это спрашивал, и десятками разных способов. Я сказал ему, что не знаю ответа, и что вряд ли его кто-то знает.

– В том-то и проблема. Если бы он ограничивался только мелочами вроде того самолета в Юте или собаки в Кентукки, то все, может быть, и обошлось бы.

– Он сам вам про это рассказал, док?

– Нет. Напрямую – нет. Но говорил о том, как было бы здорово, если бы людей, летевшем в том разбившемся самолете, нашли живыми. И еще он очень переживал за того несчастного пса. Он любит животных.

– Как мне кажется, на этих мелочах он лишь репетировал, – предположил Чарли. – Хотел проверить, по силам ли ему такое. А теперь он готов играть по-крупному.

Но тут к Чарли вернулся здравый смысл, и он добавил:

– Но такое, разумеется, невозможно.

– Ему помогли. Он разве не рассказывал о том, как ему помогли?

Чарли покачал головой.

– Значит, он вам еще не очень доверяет. А я единственный, кого он знает достаточно хорошо, чтобы о таком рассказывать.

– Ему помогли? То есть, ему кто-то помогает?.

– Не *кто-то*, – сказал док. – А *что-то*.

И тогда док пересказал Чарли то, что поведал ему Купер. Началось это четыре или пять лет назад, вскоре после того, как он начал зачитываться фантастикой. Он создал себе воображаемый космический корабль и отправился на нем в полет. Сначала он облетел всю нашу солнечную систему – Марс, Венеру и прочие планеты. Затем, когда ему наскучило топтаться на задворках, он придумал устройство, позволяющее кораблю летать со сверхсветовой скоростью, и отправился к звездам. Надо отдать ему должное – действовал он систематически. Он все продумывал логически, не обходя проблемы. Высаживаясь на очередной планете, он тщательно ее обследовал, и лишь затем летел дальше.

Где-то на этом пути он набрал себе экипаж из постоянных спутников и компаньонов. Почти все они (если не все) были лишь слегка гуманоидными.

И с каждым днем его космический, его звездный мир становился все более ясным, четким и реальным. И едва не дошло до того, что он стал больше времени проводить в той реальности, чем в том, что окружало его здесь и сейчас.

Осознание того, что к нему присоединился некто иной, что у него откуда-то появился сообщник по фантазиям, началось поначалу как подозрение, постепенно превратившееся в уверенность. Фантазии приобрели странную привычку

ку развиваться не так, как он задумывал; их кто-то модифицировал, что-то к ним добавлял и по-всякому менял. Впрочем, Купер и не возражал, потому что в целом результат оказывался лучше, чем если бы он задумывал все сам. И, наконец, настал момент, когда он познакомился со своими помощниками – не одним, а с тремя, причем каждый оказался иным существом. После первоначального потрясения от осознания случившегося все четверо прекрасно поладили.

– Значит, он знает про тех остальных... этих помощников?

– Разумеется, – подтвердил док. – Но это, конечно, не означает, что он их когда-либо видел или увидит.

– И вы ему верите, док?

– Не знаю. Не знаю... Зато я знаю Купера, и то, что он встал и пошел. А никакая медицинская наука... никакая *человеческая* медицина... не смогла бы поставить его на ноги.

– И вы верите, что эти его помощники могли каким-то образом его вылечить?

– Что-то же вылечило.

– Мне не дает покоя один вопрос, – признался Чарли. – В здоровом ли уме Купер Джексон?

– На мой взгляд, он самый здравомыслящий человек на Земле.

– И самый опасный.

– Это меня и тревожит. Я приглядываю за ним, как только могу. И встречаюсь с ним каждый день...

– Кому еще вы об этом рассказали? – спросил Чарли.

– Ни единой душе.

– А кому собираетесь рассказать?

– Никому. Наверное, мне и вам не следовало бы говорить, но вы и так отчасти догадались. А вы что намерены предпринять?

– Вернуться домой. Я вернусь домой и стану помалкивать.

– И все?

– И все. Впрочем, если бы я верил в силу молитвы, то, наверное, стал бы молиться.

* * *

Он вернулся домой, помалкивал и много волновался. И гадал, не стоит ли все же произнести молитву-другую, даже не веря в них. Но когда он пробовал, исходящие из его уст молитвы звучали странно и неуместно, и в конечном итоге он решил, что продолжать не стоит.

Иногда правда все еще казалась ему невозможной. А иногда ему становилось кристально ясно, что Купер Джексон и в самом деле может заставить любое событие произойти, просто пожелав этого. Но по большей части Чарли знал, что все это правда – хотя бы потому, что ему было известно слишком многое, чтобы думать иначе. Купер Джексон около двадцати лет провел в размышлениях и фантазиях, а его мышление и сила воображения сформировались не в результате

повседневного человеческого опыта, а под влиянием фантазий множества людей. Он не умеет мыслить так, как мыслил бы нормальный человек, и в этом одновременно и его преимущество, и опасность.

Если он не мыслит чисто человеческими категориями, то одновременно и не связан ограничениями человеческого мышления; ничто не мешает ему отправлять сознание бродить по странным измерениям и использовать его энергию для решения странных задач. Его одержимость необходимостью добиться вечного мира на планете как раз и была примером его нечеловеческой логики, ибо в то время, как на словах вся Земля стремилась к миру, угроза войны висела над каждым настолько давно, что ужас этой угрозы успел притупиться. Но для Купера Джексона сама идея о том, что людям предстоит истреблять друг друга миллионами, была немислимой.

Чарли постоянно размышлял и о помощниках Купера, о трех призрачных фигурах, словно стоящих рядом с ним. Он даже наделил их тремя условными лицами, но черты этих лиц постоянно менялись, и наконец до Чарли дошло, что они есть существа, представить которые попросту не в его силах.

Но больше всего его до сих пор тревожило крушение самолета в Юте, хотя он и пытался не думать об этом из-за огромности проблемы.

Самолет разбился еще до того, как Купер или кто угодно мог знать, что он разобьется. И, что бы ни случилось с его

пассажирами, это случилось *тогда*, в ту долю секунды, когда самолет врезался в горную вершину – и случилось без магического мышления Купера Джексона. Представить же, что пассажиры и экипаж могли уцелеть без помощи Купера, есть ни что иное как безумие. Такое попросту не могло произойти.

И это означает, что Купер способен не только заставить события пойти так, как ему хочется, но и что он при этом способен переместиться во времени и отменить то, что уже произошло! Или это, или он смог оживить покойников, предварительно собрав останки их искалеченных тел и приведя их в идеальное исходное состояние, а это еще большее безумие по сравнению с предположением, что мышление Купера обладает ретроактивностью.

* * *

Всякий раз, когда Чарли об этом думал, его бросало в холодный пот, и он снова вспоминал про Иран и Британию, а потом видел нахмуренное лицо Купера, встревоженного тем, куда катится мир.

Теперь он следил за новостями гораздо пристальнее прежнего, анализируя каждый неожиданный поворот событий, отыскивая намек, способный навеять Куперу Джексону какую-нибудь безумную схему, и пытаясь мыслить подобно Куперу, четко при этом сознавая, что подобные попытки прак-

тически безнадежны.

Он дважды собирал чемодан, чтобы поехать в Вашингтон, но всякий раз убирал одежду обратно, а чемодан засовывал в шкаф.

Потому что понял: ехать в Вашингтон – или куда угодно – бессмысленно.

«Господин президент, я знаю человека, способного установить мир на планете...»

Да его попросту вышвырнут, не дав даже договорить.

Он позвонил Эймсу, и доктор сообщил, что все в порядке, что Купер купил кучу старых научно-фантастических журналов и теперь просматривает их, составляя каталог тем и вариантов идей. Выглядит он довольнее прежнего, и уже несколько недель не был таким спокойным.

Повесив трубку, Чарли обнаружил, что руки у него трясутся. Он внезапно похолодел, потому что точно понял, зачем Куперу понадобилась эта куча журналов.

Чарли сидел у себя в комнатухе в некогда удобном кресле и лихорадочно размышлял, перебирая один за другим сюжеты и идеи, на которые натыкался, читая фантастику. Некоторые показались ему подходящими, но все же он их отбросил, потому что они не укладывались в структуру его страха.

И только тогда до него дошло, что он был настолько занят, волнуясь из-за Купера, что не обращал внимания на недавно вышедшие журналы. И его ледяной хваткой стиснул страх – а вдруг в последних номерах есть нечто, что подойдет иде-

ально?

Придется купить все журналы, которые он сумеет отыскать, и подвергнуть их быстрой и тщательной проверке.

* * *

Но на завтра его отвлекли разные дела, и прошла почти неделя, прежде чем он отправился покупать журналы. К тому времени страх немного ослабел. Плетясь домой со стопкой журналов подмышкой, он решил хотя бы на вечер позабыть обо всех тревогах и почитать просто для удовольствия.

В тот вечер он поудобнее расположился в кресле, положив рядом стопку журналов. Потом взял из стопки верхний и раскрыл его, с удовольствием отметив, что главное произведение номера написано одним из его любимых авторов.

Это оказалось мрачное повествование о землянине, сумевшем в почти безнадежной ситуации защитить поселение на далекой планете. Чарли прочитал следующее, о звездолете, угодившем в область искаженного пространства и переброшенном в другую вселенную.

А третьим оказался рассказ о том, как Земле угрожала ужасная война, и как герой предотвратил кризис, создав условия, ликвидирующие во Вселенной электричество. А без электричества самолеты не могут летать, танки ехать, а пушки – наводиться на цель, поэтому война и становится невозможной.

Чарли словно громом поразило. Ослабевшие пальцы не удержали журнал, и Чарли с ужасом в глазах уставился на противоположную стену, зная, что Купер Джексон тоже прочтет этот рассказ.

Немного придя в себя, он встал и позвонил доку.

– Я волнуюсь, Чарли, – сообщил док. – Купер пропал.

– Пропал!

– Мы пытались не поднимать шум. Могло возникнуть слишком много вопросов.

– Вы его ищете?

– Мы его ищем тихо, как только можем. Обшарили всю округу и разослали сообщения в полицию и бюро по поиску пропавших лиц.

– Вы должны его найти, док!

– Мы делаем все, что можем, – устало и немного смущенно сказал Эймс.

– Но куда он мог подеваться? Ведь денег у него нет? Не может же он долго скрываться без...

– Купер может раздобыть деньги в любое время, стоит только захотеть. Он может получить что угодно, и когда угодно.

– Я все понял, – буркнул Чарли.

– Буду держать вас в курсе.

– Я могу что-нибудь?.

– Ничего. Никто и ничто не может сделать. Мы можем только ждать. И все.

Этот разговор состоялся несколько месяцев назад, и Чарли все еще ждет.

Купера до сих пор не нашли. Даже следов его не отыскалось.

Поэтому Чарли ждет и тревожится.

И тревожит его то, что Купер не получил формального образования и не знает некоторые элементарные факты.

Есть, разумеется, и лучик надежды – на то, что Купер, если и когда начнет действовать, сделает свои действия ретроактивными и вернется в прошлое не для того, чтобы отменить электричество как таковое, а лишь воспрепятствовать открытию электричества людьми. Потому что, несмотря на все ужасные последствия, это все же станет лучше иного исхода.

Но Чарли опасается, что Купер не увидит нужды в ретроактивных действиях. И что он не понимает, что, отменяя электричество, нельзя ограничить эту отмену лишь током, бегущим по проводам к лампе или электромотору. Отменяя электричество как природный феномен, он отменит *всё* электричество, что равносильно отмене одного из компонентов внутриатомной структуры. А это повлияет не только на Землю, но и на всю Вселенную.

Поэтому Чарли сидит, тревожится и ждет, когда мигнет

лампа рядом с креслом.

Хотя он, разумеется, прекрасно понимает, что когда это случится, никто и моргнуть не успеет.

Золотые жуки²

День начался отвратительно. Артур Белсен, живущий на другой стороне переулка, включил в шесть утра свой оркестр, чем и заставил меня подпрыгнуть в постели.

Белсен, скажу я вам, по профессии инженер, но его страсть – музыка. А поскольку он инженер, то не довольствуется тем, что наслаждается ею сам. Ему просто необходимо всполошить всех соседей.

Год или два назад ему в голову пришла идея о симфонии, исполняемой роботами, и, надо отдать ему должное, он оказался талантливым человеком. Он принялся работать над своей идеей и создал машины, которые могли читать – не просто играть, но и читать музыку прямо с нот – и смастерил машину для транскрипции нот. Затем он сделал несколько таких машин в своей мастерской в подвале.

И он их испытывал! Вполне понятно, что то была экспериментальная работа, когда неизбежны переделки и настройки, а Белсен был очень придирчив к звукам, издаваемым каждой из его машин. Поэтому он много и подолгу их настраивал – и очень громко – пока не получал то воспроизведение, которое, как он считал, должно было получиться.

Одно время соседи вяло поговаривали, что неплохо бы его

---

² Clifford. D. Simak Golden Bugs, 1953 © 1993–2020 Андрей Новиков, перевод на русский язык

линчевать, но разговор так и остался разговором. В этом-то и беда, одна из бед с нашими соседями – на словах они способны на что угодно, но на деле палец о палец не ударят.

Так что конца этому безобразию пока не было видно. Белсену потребовалось больше года, чтобы настроить секцию ударных инструментов, что само по себе было не подарок. Но теперь он взялся за струнные, а это оказалось еще хуже.

Элен села на постели рядом со мной и заткнула уши пальцами, но это ее не спасло. Белсен врубил свою пыточную машину на полную мощь, чтобы, как он говорил, лучше почувствовать музыку.

По моим прикидкам, к этому времени он наверняка разбудил всю округу.

– Ну, началось, – сказал я, слезая с постели.

– Хочешь, я приготовлю завтрак?

– Можешь спокойно начинать, – отозвался я. – Еще никому не удавалось спать, когда эта гадость включена.

Пока она готовила завтрак, я пошел в садик за гаражом поглядеть, как поживают мои георгины. Я вовсе не возражаю, если вы узнаете, что я обожаю георгины. Приближалось начало выставки, и несколько штук должны были расцвести как раз ко времени.

Я направился к садику, но не дошел. Это тоже одна из особенностей района, где мы живем. Человек начинает что-то делать и никогда не заканчивает, потому что всегда найдется кто-то, кто захочет с ним поболтать.

На сей раз это оказался Добби. Добби – это доктор Дарби Уэллс, почтенный старый чудак с бакенбардами на щеках, живущий в соседнем доме. Мы все зовем его Добби, и он ничуть не возражает, поскольку это в своем роде знак уважения, которое ему оказывают. В свое время Добби был довольно известным энтомологом в университете, и это имя ему придумали студенты.

Но теперь Добби на пенсии, и заняться ему особо нечем, если не считать длинных и бесцельных разговоров с каждым, кого ему удастся остановить.

Едва заметив его, я понял, что погиб.

– По-моему прекрасно, – произнес Добби, облачиваясь на свой забор и начиная дискуссию, едва я приблизился настолько, чтобы его расслышать, – что у человека есть хобби. Но я утверждаю, что с его стороны невежливо демонстрировать это так шумно ни свет, ни заря.

– Вы имеете в виду это? – спросил я, тыкая пальцем в сторону дома Белсена, откуда продолжали в полную силу доноситься скрежет и кошачьи вопли.

– Совершенно верно, – подтвердил Добби, приглаживая седые бакенбарды с выражением глубокого раздумья на лице. – Но, заметьте, я ни на одну минуту не перестаю восхищаться этим человеком...

– Восхищаться? – переспросил я. Бывают случаи, когда я с трудом понимаю Добби. Не столько из-за его привычки разговаривать напыщенно, сколько из-за манеры размышлять.

– Верно, – подтвердил Добби. – Но не из-за его машин, хотя они сами по себе электрическое чудо, а из-за того, как он воспроизводит свои записи. Созданная им машина для чтения нот – весьма хитроумное сооружение. Иногда она мне кажется почти что человеком.

– Когда я был мальчиком, – сказал я, – у нас было механическое пианино, которое тоже играло записанную музыку.

– Да, Рэндолл, вы правы, – признал Добби, – принцип схож, но исполнение – подумайте об исполнении! Все эти старые пианино лишь весело брэнчали, а Белсену удалось передать самые тонкие нюансы.

– Должно быть, я не уловил этих нюансов, – ответил я, не выразив ни малейшего восхищения. – Все, что я слышал – просто бред.

Мы говорили о Белсене и его оркестре, пока Элен не позвала меня завтракать.

Едва я уселся за стол, она начала зачитывать свой черный список.

– Рэндолл, – решительно произнесла она, – на кухне опять кишат муравьи. Они такие маленькие, что их почти не видно, зато они пролезают в любую щель.

– Я думал, ты от них уже избавилась.

– Да, раньше. Я выследила их гнездо и залила его кипятком. Но на сей раз этим придется заняться тебе.

– Будь спокойна, непременно займусь, – пообещал я.

– То же самое ты говорил и в прошлый раз.

– Я уже было собрался, но ты меня опередила.

– Но это еще не все. На чердаке в вентиляционных щелях завелись осы. На днях они ужалили девочку Монтгомери.

Она хотела сказать еще что-то, но тут по лестнице скатился наш одиннадцатилетний сын Билли.

– Смотри, пап, – восторженно воскликнул он, протягивая мне пластиковую коробочку. – Таких я раньше никогда не видел!

Я мог не спрашивать, кого он еще не видел. Я знал, что это очередное насекомое. В прошлом году – марки, в этом – насекомые, и это еще одно следствие того, что рядом живет энтомолог, которому нечем заняться.

Я нехотя взял коробочку в руки.

– Божья коровка.

– А вот и нет, – возразил Билли. – Этот жук гораздо больше. И точки другие, и цвет не тот. Этот золотой, а божьи коровки оранжевые.

– Ну тогда поищи его в справочнике, – нетерпеливо сказал я. Парень был готов заниматься чем угодно, лишь бы не брать в руки книгу.

– Уже смотрел, – сказал Билли. – Всю перелистал, а такого не нашел.

– Боже мой, – в сердцах произнесла Элен, – сядь, наконец, за стол и позавтракай. Мало того, что житья не стало от муравьев и ос, так еще ты целыми днями ловишь всяких других жуков.

– Мама, но это поучительно, – запротестовал Билли. – Так говорил доктор Уэллс. Он сказал, что существует семьсот тысяч видов насекомых...

– Где ты его нашел, сынок? – спросил я, немного устыдившись, что мы оба набросились на парня.

– Да в моей комнате.

– В доме! – завопила Элен. – Мало нам муравьев...

– Как только поем, покажу его доктору Уэллсу.

– А ты ему еще не надоел?

– Надеюсь, что надоел. – Элен поджала губы. – Этот самый Добби и приучил его заниматься глупостями.

Я отдал коробочку Билли. Тот положил ее рядом с тарелкой и принялся за еду.

– Рэндолл, – сказала Элен, приступая к третьему пункту обвинения, – я не знаю, что мне делать с Норой.

Нора – наша уборщица. Она приходит дважды в неделю.

– И что она на этот раз сделала?

– В том-то и дело, что ничего. Она просто-напросто не вытирает пыль. Помашет для вида тряпкой, и все. И ни разу еще не переставила лампу или вазу, чтобы протереть в этом месте.

– Ну, найди вместо нее кого-нибудь.

– Рэндолл, ты не понимаешь, о чем говоришь. Уборщицу найти очень трудно, и на них нельзя полагаться. Я говорила с Эми...

Я слушал и вставлял нужные замечания. Все это мне уже

приходилось слышать раньше.

Сразу после завтрака я пошел в контору. Было слишком рано для посетителей, но мне нужно было заполнить несколько страховых полисов и сделать еще кое-какую работу, так что было чем заняться лишние час-другой.

Около полудня мне позвонила очень взволнованная Элен.

– Рэндолл! – выпалила она безо всяких предисловий. –

Кто-то бросил валун в самую середину сада.

– Повтори, пожалуйста, – попросил я.

– Ну, знаешь, такую большую каменную глыбу. Она раздавила все георгины.

– Георгины! – взвыл я.

– И самое странное, что не осталось никаких следов. Такую глыбу можно было привезти разве что на грузовике...

– Ладно, успокойся. Скажи мне лучше, камень очень большой?

– Да почти с меня.

– Быть того не может! – забушевал было я, но сразу постарался успокоиться. – Это какая-то дурацкая шутка. Кто-то решил подшутить.

Кто бы это мог сделать? Я задумался, но не припомнил никого, кто решился бы на такую канитель, чтобы этак пошутить. Джордж Монтгомери? Он человек здравомыслящий. Белсен? Тот слишком занят своей музыкой, чтобы отвлекаться. Добби? Но я не мог себе представить, чтобы он вообще когда-то шутил.

– Ничего себе шуточка! – сказала Элен.

Я не сомневался, что никто из моих соседей, этого не сделал бы. Все знали, что я выращивал георгины, дабы получить новые почетные ленточки на выставках.

– Я сегодня закончу работу пораньше, – сказал я, – и посмотрю, что можно с ним сделать.

Хотя я знал, что сделать можно будет очень немногое – лишь оттащить его в сторону.

– Я буду у Эми, – сказала Элен. – Постараюсь вернуться пораньше.

Я положил трубку и занялся работой, но дело не клеилось. В голове были одни георгины.

Я кончил работать вскоре после полудня и купил в аптеке баллончик с инсектицидом. Этикетка утверждала, что средство эффективно против муравьев, тараканов, ос, тлей и ку-чи другой нечисти.

Когда я подошел к дому, Билли сидел на крыльце.

– Привет, сынок. Нечем заняться?

– Мы с Тони Гендерсоном поиграли в солдатики, да надоело.

Я поставил баллончик на кухонный стол и отправился в сад. Билли молча последовал за мной.

Глыба лежала в саду, точнехонько в середине клумбы с георгинами, и была ни на сантиметр меньше, чем говорила Элен. Выглядела она странно. То был не просто щербатый кусок скалы, а почти правильный шар чистого красного цве-

та.

Я обошел ее вокруг, оценивая ущерб. Несколько георгинов уцелело, но самые лучшие погибли. Не было никаких следов, даже намека на то, каким образом этот камень оказался в саду. Он лежал в добрых десяти метрах от дороги, и чтобы перенести его сюда из грузовика потребовался бы кран, но это было практически невыполнимо, потому что вдоль улицы тянулись провода.

Я подошел к глыбе и внимательно ее рассмотрел. Вся ее поверхность оказалась усеянной маленькими ямками неправильной формы, не более полудюйма в глубину; виднелись и тускло поблескивающие гладкие места, как будто часть первоначальной поверхности была сколота. Более темные и гладкие участки блестели, словно отполированный воск, и мне вспомнилось то, что я видел очень давно – когда один из моих приятелей ненадолго увлекся коллекционированием минералов.

Я склонился над гладкой восковой поверхностью, и мне показалось, что я различаю внутри камня волнистые линии.

– Билли, ты знаешь, как выглядит агат? – спросил я.

– Не знаю, пап. Но Томми знает. Он просто охотится за разными камнями.

Он подошел поближе и стал рассматривать один из гладких участков, потом послунывил палец и провел им по восковой поверхности. Камень заблестел, как атлас.

– Не уверен, – сказал он, – но, похоже, это агат.

Билли немного отошел и стал рассматривать камень с новым выражением на лице.

– Послушай, пап, если это действительно агат – я хочу сказать, если это один большой агат, – то он должен стоить кучу денег, так ведь?

– Не знаю. Наверное, должен.

– Может, целый миллион.

Я покачал головой.

– Ну, уж не миллион.

– Пойду, приведу Томми, прямо сейчас.

Он молнией промчался мимо гаража, и я услышал, как он побежал по дорожке к воротам в сторону дома Томми.

Я несколько раз обошел валун и попытался прикинуть его вес, ноне знал, как это делается.

Потом вернулся домой и прочитал инструкцию на баллончике с инсектицидом, снял колпачок и нажал на распылитель. Он работал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.